

АНДРЕЙ МАЙДАНСКИЙ

Диаграмма философской мысли

С. Н. Мареев. Из истории советской философии: Лукач—Выготский—Ильенков. М., «Культурная революция», 2008. 448 с. (ÆSTETICA).

¹ См. **D. Bakhurst.** *Consciousness and Revolution in Soviet Philosophy: From the Bolsheviks to Evald Ilyenkov* (Modern European Philosophy Series). Cambridge, 1991.

накануне краха Страны Советов. Написал ее молодой канадец Дэвид Бэкхерст, хотя и воспитанный в традициях англо-американской «аналитической философии», тем не менее постарался вникнуть в чуждую ему философскую культуру. Больше половины книги он отвел исследованию творчества Э. В. Ильенкова, увидев в последнем самого глубокого и оригинального философа «послесталинской эры». При этом сам Бэкхерст лишь в малой степени разделял взгляды Ильенкова*, в отличие от С. Н. Мареева, чья недавно вышедшая в свет книга написана с позиций ильенковской «диалектической логики».

В намеченную у Бэкхерста канву истории советской философии Мареев добавляет только одну крупную фигуру — Георга Лукача. Правда, «советский философ Лукач» выступает в книге Мареева в основном как автор «Истории и классового сознания» (1923). Позднее творчество Лукача почти не затрагивается. Почему так? Быть может, автор не знаком с давно у нас изданной «Онтологией общественного бытия»? Да нет, тут дело в

Так случилось, что первая монография по истории советской философии вышла не у нас, а в Кембридже¹

другом. «Поздний» Лукач перестает быть предтечей и собратом по разуму Ильенкова. Вот и приходится дать ему отставку, иначе нарушилась бы стройность линии Лукач—Выготский—Ильенков... Далеко не идеально вписывается в нее и творчество Выготского. Во всех случаях разногласий между тремя мыслителями Мареев открыто встает на сторону Ильенкова. Если Бэкхерст рассматривает историю советской философии с видом постороннего, то Мареев не скрывает «личной заинтересованности» своих оценок. Она обнаруживается уже в отборе материала исследования: в истории советской философии Мареева интересует лишь то, что имеет отношение к *диалектической логике* в ильенковском ее понимании.

Известно, что предметом философии Ильенков считал *мышление*, его законы и категории, «идеальное» со всеми его феноменами — от формы стоимости до человеческой личности. Такая позиция шла вразрез с официальным «диаматом», занятым построением «философской картины мира». Противостояние марксизма «догматического» и «творческого» — диамата и диалектической логики — образует общий фон для всех значимых событий в советской философии. Две из пяти глав монографии Мареева посвящены генеалогии «диамата» и его сиамского брата — «истмата».

МАЙДАНСКИЙ Андрей Дмитриевич — профессор кафедры философии и социологии Таганрогского института управления и экономики, доктор философских наук.

* Особенно его возмущает «пренебрежение» Ильенкова успехами формальной логики XX века: «Печально, что труды сведущего и открытого философа содержат эту филистерскую нить (philistine thread)» (**D. Bakhurst.** *Consciousness and Revolution in Soviet Philosophy.* P. 172).

Диамат, как показывает Мареев, является загримированной под диалектику метафизикой природы — «онтологией» либо «натурфилософией». А истмат представляет собой метафизику общественной жизни: его предмет — общество, взятое абстрактно, «вообще». Истмат есть философский эрзац конкретно-исторического исследования — та самая «онтология общественного бытия». В отличие от Маркса, Лукач ученым-историком не был: в исследовании истории он с самого начала был и остался философом, метафизиком.

У «раннего» Лукача, указывает Мареев, марксизм — не доктрина, а *метод познания*. Но ведь применял-то он этот метод не для создания теории конкретной экономической формации — нет, Лукач конструировал «философию истории

² Г. Лукач. История и классовое сознание. М., 2003. С. 134. и исторического материализма»², то есть самый настоящий истмат. Правда, *истмат без диамата*, ибо в природе, как она есть «по ту сторону» человеческой деятельности, никакой диалектики молодой Лукач не признавал.

Тут Лукачу «не хватило Спинозы», справедливо замечает Мареев. Не хватило «тотального» понятия Природы, включающего человека с его историей как необходимый «модус» ее развития. Именно такое понятие Ильенков положит в основу своей «Космологии духа». Эта по-спинозовски понятая Природа насквозь диалектична. Она и причина, и следствие себя самой, ее абсолютная свобода тождественна с необходимостью — есть *libera necessitas*, «свободная необходимость», говоря словами Спинозы.

Взгляды на предмет философии у Лукача и Ильенкова иначе как полярными не назовешь. Философия Лукача всегда выходила далеко за рамки логики и теории познания, о чем «поздний» Лукач заявит открыто. «В последние века в философском мышлении господствовали теория познания, логика и методология, и это господство еще далеко не ушло в прошлое», — сетовал он, апеллируя к Гуссерлю, Шелеру и

Хайдеггеру в доказательство «неизбежности обращения контологии при решении мировых проблем»³.

³ Г. Лукач. К онтологии общественного бытия. М., 1991. С. 34–35.

Несложно догадаться, что сказал бы на это Ильенков...

Вне всяких сомнений в понимании категорий диалектики у Лукача и Ильенкова много общего, и сам Ильенков высоко ценил Лукача как знатока философии Гегеля. Тут Мареев по праву ставит их в один ряд. Верно и другое: они были «творческими марксистами», оба развивали «деятельную сторону» диалектики и по мере сил противостояли вульгарным течениям в марксизме. За что оба подвергались идеологической травле. И уж, конечно, в пантеоне марксистской философии фигура Ильенкова стоит гораздо ближе к Лукачу, чем к А. М. Деборину. Между тем едва ли не все крупные зарубежные исследователи советской философии (Дж. Скэнлан, И. Яхот, Д. Бэххерст) допускают ошибку, зачисляя Ильенкова в «деборинцы». Мареев с текстами в руках доказывает, что этот стереотип в корне неверен.

Крестным отцом диамата с истматом Мареев считает Г. В. Плеханова, а практическими творцами — его учеников, «красную профессуру», прежде всего Деборина. С этим трудно спорить, но, как показывает сам автор (*см. С. 149*), труды Плеханова невозможно уложить в схемы диамата. Добавил бы: и Деборин не так прост и плосок. Как объяснить, например, его любовь к Гегелю? Натурального диаматчика от гегельянщины мутит, как самого Мареева — от геометрического порядка «Этики»*. Деборинская *версия* диамата содержит немало ценных вкраплений, чуждых позднему «чистокровному» диамату. Ну а лукачевская версия истмата вообще ни капли не похожа на истмат чистой сталинской пробы. У родственников, даже близких, такое несходство порой случается. Неправильно было бы замечать в истории лишь чистые формы. История чаще строит голограммы: высокое тут интерферирует с вульгар-

* «...которая по форме является наиболее муторным из всех произведений мировой философской литературы» (С. 326).

ным, диалектика обращается в схоластику и Господь Бог водит компанию с чертом...

Отдельные «диаматовские» ноты сложно услышать и в творчестве Л. С. Выготского, о котором написаны самые интересные, на мой взгляд, страницы книги Мареева. До сего времени философские корневиды культурно-исторической теории Выготского, уходящие на столетия вглубь времен, не были толком изучены. Прежде всего речь о его ревностном *стинозизме*. Нынешние психологи, в том числе западные, сами подобных корней не имеют, а потому не в состоянии их разглядеть и по достоинству оценить в наследии Выготского. Философам давно следовало дать им подсказку.

Мареева занимают главным образом метод мышления, логика Выготского. Сам Выготский, как известно, много раздумывал и писал о методе психологического исследования: ближайшую причину кризиса психологии он усматривал в отсутствии методологии, которая позволила бы теоретически осмыслить «огромные, накопленные тысячелетиями запасы практически-психологического опыта и навыков». Доступ к этому массиву данных, продолжает он, в последнее время открыла прикладная психология. Прежние методы «академической психологии» оказались не способными переварить новый, непривычный ей культурно-исторический материал. Причину кризиса Выготский видит в неготовности психологов-теоретиков к «столкновению с высокоорганизованной практикой — промышленной, вос-

⁴ Л. С. Выготский. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1982. С. 387. питательной, политической, военной»⁴.

Мареев обнажает логический остов теории Выготского, показывая и ее сильные места, и слабости, главная из которых кроется в отсутствии понятия *идеального* как специфически человеческой формы деятельности. Это так. Однако само *понятие деятельности* лежит в основе теории Выготского, и нет оснований думать, что он это понятие «не усмотрел у Спинозы» (С. 204). Приводя длинный фрагмент спинозовского «Трактата об усовершен-

ствовании разума», в котором проводится аналогия между понятиями мышления и орудиями труда, Выготский отмечает, что все это «совершенно сходно» с его собственным пониманием метода науки⁵, и далее

сам сравнивает слова с орудиями труда. Мышление отчетливо понимается им как форма предметной деятельности. Даже «натуральные корни мышления» Выготский вслед за В. Келером ищет в структуре орудийной предметной деятельности человекообразных обезьян.

Выготский не раз повторял тезис Фауста: «В начале было Дело» и при исследовании взаимоотношений слова и действия в психологическом развитии личности отдавал приоритет действию. Слово для Выготского есть средство освобождения Дела от власти рефлекса: «Слово, делающее действие человека свободным»⁶.

Наверное, не все тут философ успел продумать, и его понимание предметной деятельности, как настаивает Мареев, нуждается в развитии (конкретно — к понятию труда как субстанции человеческой психики). Однако вне всяких сомнений творчество Выготского заключает мощный импульс предметно-деятельностного и конкретно-исторического понимания всех до единой проблем психологической науки, над которыми размышлял ученый.

Книга Мареева в целом, и глава о Выготском в особенности, далеко не сводится к «ретроспекции». По мере чтения складывается полное впечатление, что историко-философские задачи для автора стоят не на первом месте. В частности, из параграфа 5 «Соотношение мышления и речи у Выготского» невозможно узнать, как конкретно решал указанную проблему Выготский. Отмечено только, что он «еще застревает на речи» (С. 228). Опираясь на разработки Ильенкова и советских психологов, Мареев за общую субстанцию и мышления, и речи принимает совместно-разделенную предметную деятельность. В этом плане он разворачивает далее

⁵ Там же. С. 318–319. Подробнее об этом см.: А. Д. Майданский. Выготский—Спиноза. Диалог сквозь столетия». — «Вопросы философии». 2008. № 10.

⁶ Л. С. Выготский. Собрание сочинений. Т. 6. М., 1984. С. 90.

собственное понимание сознания, речи, свободы и личности, довольно подробно собирая взгляды модного ныне Д. Деннета на «условия присутствия личности», и проводит глубокий сравнительный анализ развития языковых и стоимостных форм.

Переходя к вершине советской философии — творчеству Ильенкова, Мареев характеризует его как «возврат к Марксу» и вообще к философской классике. «Ильенков противостоял *всей* советской философии» (С. 298) — если это и преувеличение, то не слишком большое. За время своего господства диамат превратил философскую классику в лавку древностей, назначив каждому мыслителю «партийную» цену в зависимости от его вклада в священную битву материализма с идеализмом. Ильенков не просто игнорировал этот преysкурант — ему удалось *оживить* и Спинозу с Гегелем, и самого Маркса.

Если с Лукачом Ильенкова роднит «гегелянство», то с Выготским — «спинозизм». Тут Мареев стопроцентно прав: линия Лукач—Выготский—Ильенков продолжает в советской философии линию Спинозы, немецкой классики, Маркса. В конкретных трактовках, впрочем, могут быть различия, и даже весьма серьезные.

Верно ли, что Ильенков «впервые открыл нам Спинозу», что до Ильенкова «советская философская публика» знала Спинозу лишь как атеиста и механистического детерминиста (см. С. 309)? Ну а как быть с тем же Дебориным? Противники явили, что Спиноза у него — вылитый Маркс, только без бороды, и гениальный диалектик, и строгий материалист. Таков же Спиноза и у Ильенкова. Были у нас, за полстолетия до Ильенкова, превосходные работы о Спинозе В. Н. Половцовой и Л. М. Робинсона. Если «советская философская публика» их не читала, то Ильенков — читал и, что характерно, предпочитал цитировать трактат Спинозы «Об очищении интеллекта» в старом, дореволюционном еще переводе Половцовой.

Вслед за Ильенковым Мареев резко осуждает Б. Рассела за «раздвоение» философии Спинозы на привлекательную этику и обветшалую метафизику, призывая «по-

нять единство философии и нравственности Спинозы» (С. 313). Меж тем двумя страницами выше у самого автора философия Спинозы раскалывается пополам: на глубоко диалектичное «учение о субстанции», с одной стороны, и «принцип механической причинности» вкупе с формальным «геометрическим методом», с другой. Отсюда категоричный вывод: «система Спинозы — сплошное противоречие» (С. 311). Тот же самый вывод, что и у Рассела. А вот Ильенков, напротив, хвалил учение Спинозы за логическую цельность — «бескомпромиссность и неутомимую последовательность размышлений»⁷.

Что же до спинозовской теории мышления, тут дело не только в том, что Ильенков ее изложил неадекватно (с чем Мареев согласен), но и в том, что *сам* Ильенков понимал мышление совсем иначе, нежели нарисованный им «Спиноза-материалист». В отличие от последнего, Ильенков никогда не считал мышление «лишь свойством, предикатом, атрибутом тела», «лишь способом существования тел»⁸. Э. В. Ильенков. Диалектическая логика. М., 1974. С. 23. Такого взгляда на мышление держались как раз противники Ильенкова — те самые диаматчики, философские «птенцы гнезда Павлова». Равно как и противники Спинозы — эмпирики Гоббс, Гассенди и Локк.

Для «натурального» Спинозы мысль и тело суть *модусы двух разных атрибутов субстанции*; посему превращать идею, модус мышления, в свойство модуса протяжения, тела, — значит полностью извращать природу мышления. Ну а сам Ильенков видел в последнем функцию «ансамбля общественных отношений», лишь *идеально представленного* в том или ином органическом теле. Вот тут (в теории идеального) он действительно развил взгляды Спинозы и «довел спинозизм до ума», как изящно выражается Мареев.

Должен отметить, что автор книги, едва ли не единственный из учеников Ильенкова, сознает и ясно указывает, в чем ошибочность понятия мышления у псевдо-Спино-

⁷ Э. В. Ильенков. Философия и культура. М., 1991. С. 102.

⁸ Э. В. Ильенков. Диалектическая логика. М., 1974. С. 23.

зы из очерка 2 «Диалектической логики». «Речь здесь еще не идет о специфически человеческом мышлении с его идеальностью», — пишет Мареев (С. 314). Мышление без идеальности — это бессмыслица, дым без огня. Такого «мышления» — правы Ильенков с Мареевым — и у животных сколько душе угодно, ибо это уже не мышление, а просто *психика*, «анима натуралис». Ну и чем *такой* «Спиноза» с этим его «телесным мышлением» без всякой идеальности лучше диаматчиков? Те тоже *идеальной природы* мышления не знали и знать не желали.

⁹ См. об этом: **А. Д. Майданский**. Так и мыслят. Как разлагалась мысль. — «Логос». 2009. № 1. до сих пор — «телом»...⁹

Во взглядах Ильенкова Мареев не находит слабых мест. Он отстаивает эти взгляды как свои собственные — да так оно и есть на самом деле, при этом отнюдь не ограничиваясь апологией, постоянно стремясь углубить и развить их дальше по мере сил. Ему это удастся: в книге то и дело находишь пространные интерлюдии о формах человеческой чувственности и категориях логики, природе труда, о Льве Толстом и Гуссерле, и повсеместно — споры с философами, которых автор лично знает или знал в советские времена. Спорит Мареев охотно, страстно и на своем стоит насмерть, как некогда его учитель Ильенков. Уверен, над этой книгой читатель не заскучает.